

ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА РАННЕГО ПЕРИОДА ЕГО ТВОРЧЕСТВА И ИСТОРИОГРАФИИ

С.В. Хатунцев

Воронежский государственный университет

К настоящему времени в мировой историографии сложился целый комплекс серьезных леонтьевоведческих изысканий, однако далеко не все проблемы леонтьевоведения, особенно проблемы, связанные с общественно-политическими взглядами русского мыслителя, освещены надлежащим образом и получили адекватное разрешение, тем более что разные авторы нередко дают им самые противоречивые оценки.

В этой связи необходимо отметить, что внимание специалистов, которые их исследуют, направлено главным образом на «позднего» Леонтьева, Леонтьева «классического» периода, т. е. второй трети 70-х – начала 90-х гг. XIX в. Общественно-политические взгляды более ранних этапов его жизни, 50-х – начала 70-х гг., изучены слабо. Несмотря на обилие статей, монографий, глав и разделов в обобщающих трудах по истории русской философии и общественно-политической мысли, посвященных К. Н. Леонтьеву, данная тема так и не стала объектом ни монографического, ни диссертационного исследования и до сих пор не получила должного освещения ни в отечественной, ни тем более в зарубежной историографии. В леонтьевоведческих работах затрагивались лишь отдельные аспекты проблемы общественно-политических представлений К. Н. Леонтьева в указанный период.

Это объясняется тем, что для основной массы ученых, обращавшихся к его творчеству, общественно-политические взгляды К. Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. XIX столетия находятся в «тени» более поздних его воззрений. Кроме того, необходимо отметить, что К. Н. Леонтьевым занимаются главным образом философы, социологи и политологи, а также литературоведы и, отчасти, культурологи, причем далеко не все публикации этих специалистов носят академический характер: данный мыслитель и его воззрения являются объектом не только научной полемики, но и политических спекуляций. Фундаментальных *исторических* трудов, монографий и диссертаций, в которых рассматриваются общественно-политические взгляды Леонтьева, крайне мало. Как исключение, можно назвать лишь работы В. И. Косика и А. В.

Репникова, причем монография последнего посвящена воззрениям не одного К. Леонтьева, а нескольких выдающихся русских консерваторов конца XIX – начала XX в. [1]. Ни тот, ни другой исследователь специальной задачи изучения общественно-политических взглядов «раннего» Леонтьева, Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. XIX столетия перед собой не ставили. И если В. И. Косик затрагивает некоторые весьма существенные аспекты этой проблемы, то А. В. Репников все свое внимание сосредотачивает на «классическом» периоде леонтьевского творчества.

Следует указать еще на один чрезвычайно важный момент. Большинство исследователей общественно-политических взглядов К. Н. Леонтьева фактически подходит к ним как к чему-то «ставшему», лишеному внутреннего развития, явленному в готовом и развернутом виде. Поэтому, несмотря на достаточную, казалось бы, изученность воззрений Леонтьева, довольно слабо исследована их динамика, конкретная эволюция: те изменения, которые они претерпевали с течением времени. Соответственно, малоизученными остались те исторические факторы, которые на них повлияли. В наибольшей степени это касается опять-таки общественно-политических взглядов Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. XIX в.

Их касались главным образом леонтьевоведы дореволюционного периода – А. А. Александров, К. М. Аггеев, А. М. Коноплянец, исследователи-эмигранты – Н. А. Бердяев, В. В. Зеньковский, Ю. П. Иваск, и представители советской и постсоветской науки начиная с 80-х гг. прошедшего века – Л. Р. Авдеева, А. А. Корольков, В. И. Косик, А. М. Салмин, А. Ф. Сивак и др.

Одной из первых работ, бросающих свет на общественно-политические воззрения К. Н. Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. XIX в., была работа его ученика и друга А. А. Александрова [2, 250-284]. Значительная ее часть посвящена опровержению необоснованных мнений о К. Леонтьеве, высказанных французским публицистом Портье Д'Арком (он выступал под «русским» псевдонимом «А. Chernoff») несколькими годами ранее [3, 754-764].

Александров подверг этого автора заслуженной критике, а также охарактеризовал отношение Леонтьева в рассматриваемый период к религии вообще и к православию в частности, отметил неустойчивость его политических взглядов в эпоху Крымской войны, его положительное отношение к «либеральным веяниям» начала царствования преемника Николая I, в том числе – к освобождению крестьян.

Согласно Александрову, собственные, «совершенно особые» социальные теории сложились у Леонтьева уже к декабрю 1860 г., когда он отправился в Петербург, и они почти не отличались от тех общественно-политических идей, которых Леонтьев придерживался позднее, т. е. в 70–90-е гг. XIX столетия. На наш взгляд, оригинальной общественно-политической концепции у Леонтьева к концу 1860 г. еще не сложилось. Сам Александров был непоследователен и фактически противоречил собственным утверждениям, поскольку отметил, что Леонтьев до 1861–1862 гг. политикой как внешней, так и внутренней интересовался мало и консерватором еще не был, что только к 1863 г. у него начали формироваться относительно твердые убеждения в вопросах и «государственной жизни, и практической политики» [2, 268]. Поэтому степень сходства общественно-политических воззрений Леонтьева до его переезда в столицу с теми взглядами, которых он придерживался в более зрелые годы, Александров преувеличил, хотя преемственность между ними все же существовала.

А. Александров был одним из создателей «эстетической», основанной на сведениях, приводимых самим Леонтьевым, теории перехода последнего в начале 60-х гг. XIX в. в консервативный лагерь. [2, 268] На наш взгляд, эта точка зрения соответствует истине. Довольно объективно и мнение Александрова о том, что на Восток в начале 1864 г. Леонтьев приехал врагом западного буржуазно-демократического либерализма и «прогрессизма» [2, 275], хотя вполне сознательным и последовательным противником этих явлений он, по нашему мнению, еще не был. Согласны мы и с мнением Александрова, что жизнь на Востоке содействовала укреплению и развитию тех идей, которые стали зарождаться в уме Леонтьева еще до отъезда туда и которые впоследствии он страстно пропагандировал в своей публицистике [2, 271].

В целом работа Александрова освещает лишь наиболее общие аспекты общественно-политических взглядов К. Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. XIX в.

Вслед за А. А. Александровым данной проблемы коснулся К. М. Аггеев. В диссертации, посвященной богословской оценке идейного наследия К. Леонтьева, он отметил, что, начав обучение в университете, Леонтьев потерял детскую религиозную веру [5, 40], стал бессознательным материалистом, а по мере развития его медицинского образования этот бессознательный материализм сделался «формулированным «материализмом врачей» [5, 58]. В этот период, пишет исследователь, Леонтьев, расставшись с «монархическими преданиями своей семьи», проникся демократическими представлениями, отдал дань европейскому либерализму, но и в его восприятии остался «эстетиком, каким он был и в детские годы». Глубокой его увлеченность либерализмом и демократическими идеями Аггеев вполне справедливо не считал [5, 52]. С данным мнением вполне можно согласиться. Однако, слепо доверяя одной из автобиографических оценок К. Н. Леонтьева, он полагал, что с либерализмом этот мыслитель всецело и окончательно порвал уже в 1862 г. [5, 55–56].

По мнению Аггеева, к своему сорокалетию, т. е. к 1871 г., Леонтьев был враждебен «до фанатизма к началам европейского демократического прогресса, преклонялся пред самобытными, хотя бы порою и «варварскими» проявлениями русской души», имел эстетическую симпатию к «формам религиозной жизни православия». [5, 77] Усомнившись в «фанатизме» Леонтьева, добавим, что православию в указанный период он симпатизировал не только по эстетическим соображениям, но и по политическим мотивам.

Ряд немаловажных оценок и замечаний, касающихся общественно-политических взглядов К. Н. Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. XIX века, высказал в биографической по своему характеру работе «Жизнь К. Н. Леонтьева в связи с развитием его миросозерцания» А. М. Коноплянцев. Сопоставляясь с суждениями Александрова и Аггеева, он утверждал, что сочувствие Леонтьева к либеральному движению, которое он проявлял в молодости, не заходило глубоко, «до корней этого движения» [6, 52]. Коноплянцев отметил, что в Петербурге, в 60-е гг., Леонтьев сблизился со славянофильством и воспринял из этого учения идею культурной самобытности России [6, 57, 89].

Писал он и о повороте Леонтьева к консерватизму. 1862 год, заявлял А. М. Коноплянцев, следуя утверждениям самого мыслителя, был временем крутого душевного перелома и резкого разрыва Леонтьева с либеральным прошлым [6, 54]. По

нашему мнению, степень его расхождения с либерализмом в начале 60-х гг. этот исследователь также преувеличил.

Он считал, что повороту Леонтьева к консерватизму и укреплению новых общественных симпатий мыслителя способствовало его отрицательное отношение к литературно-пропагандистской деятельности революционных демократов и к Польскому восстанию 1863–1864 гг. Согласно Коноплянцеву, эстетический склад сознания этого мыслителя «сам по себе был сроден охранительным началам и неизбежно приводил к ним» [6, 57]. Данная точка зрения в целом соответствует реальному положению вещей.

Ставя перед собой задачу изложить основные черты мировоззрения К. Леонтьева за разные периоды его жизни [6, 4], Коноплянцев, однако, основное внимание уделил леонтьевской беллетристике, а не социально-политическим представлениям, поэтому с поставленной задачей справился не вполне. общественно-политические взгляды Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. XIX столетия им, как и остальными представителями дореволюционной историографии, освещены скудно.

Исследователи-эмигранты, стремясь как можно полнее осмыслить феномен К. Леонтьева, многие из прогнозов которого начиная с 1917 г. стали осуществляться, проявили к данной теме несколько больший интерес, нежели леонтьеведы дореволюционной России.

Н. А. Бердяев в своей знаменитой работе 1926 г. в целом и сколько-нибудь подробно общественно-политические взгляды Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. XIX в. не рассматривал, не анализировал и не оценивал, однако изменению его воззрений в период после освобождения крестьян уделил значительное внимание.

Согласно Бердяеву, в 1862 г. Леонтьев «окончательно (курсив наш – С. Х.) порывает с остатками прогрессивных, либерально-эгалитарных идей и делается консерватором». Разрыв этот, вслед за леонтьевоведами дореволюционного периода, он считал эстетическим, справедливо заметив, что политические симпатии Леонтьева сформировались не под влиянием отвлеченной мысли как переживаний нравственного порядка, а под влиянием образно-пластических впечатлений [7, 47].

Бердяев, вслед за А. А. Александровым, отметил любовь Леонтьева к А. И. Герцену и некоторое влияние последнего на Леонтьева [7, 76], однако не выявил всего круга представлений мыслителя, на которые могли иметь и имели воздействие идеи

этого «дворянского революционера». В то же время он писал, что «старые», т.е. дореформенные славянофилы никакого непосредственного влияния на Леонтьева не оказывали [7, 75]. Изучение общественно-политических взглядов мыслителя 60-х гг. XIX в. свидетельствует, что это не так, хотя нельзя не согласиться с Бердяевым, что Аполлону Григорьеву Леонтьев сочувствовал более, чем славянофилам, поскольку тот являлся выразителем иной, нежели славянофилы, русской стихии, стихии разгульной и чувственной, тогда как последние превозносили добрые семейные нравы [7, 126].

Высказался Бердяев и по вопросу о значении пребывания Леонтьева в Турции для эволюции его общественно-политических представлений. По мнению этого мыслителя, Восток окончательно сформировал духовную личность Леонтьева, «страшно обострил его политическую, философскую и религиозную мысль» [7, 58]. Бердяев справедливо заключил, что наблюдения над жизнью балканских славян поколебали в нем веру в племенной, национальный принцип и привели к отрицательному отношению Леонтьева к панславизму [7, 60]. Однако произошло это только на последнем этапе его пребывания в Османской империи и главным образом благодаря усилению так называемой греко-болгарской распри, о чем Бердяев не писал, избегая, как и большинство философов, конкретно-исторических оценок.

Понимая народничество как веру в русскую народную стихию, он отметил, что в определенный период у Леонтьева имелись известные «славянофильско-народнические иллюзии», от которых этот мыслитель впоследствии освободился. Так, в славянофильско-народническом духе (как его понимал Н. А. Бердяев) написана относящаяся к концу 60-х гг. статья Леонтьева «Грамотность и народность»: в ней можно встретить традиционную для отечественной интеллигенции XIX столетия идеализацию простого народа, крестьянства. По мнению Бердяева, Леонтьев «сбивается на эти народнические мысли по... связи с нашими самобытно-народолюбивыми мнениями», освободиться от которых русскому интеллектуалу в этот период было весьма непросто.

Обращал Бердяев внимание и на факт идеализации Леонтьевым сельской общины как охранительного начала, предупреждающего развитие пролетариата [7, 132]. Однако знаменитый философ даже не задавался вопросом: каким образом и в какой период эта идея, выработанная «старым» славянофильством, влияние которого на Леонтьева

он отрицал, попала в арсенал его общественно-политических взглядов.

В. В. Зеньковский, шедший по стопам Бердяева, также отмечал значимость периода жизни в Турции для развития общественно-политических представлений Леонтьева. Он считал, что на Востоке философская и политическая концепция последнего оформилась окончательно [8, 247]. Это мнение нельзя принять безоговорочно: серьезные изменения в общественно-политических взглядах К. Леонтьева произошли по возвращении его на родину в 1874 г., определенную эволюцию претерпевали они и позже. Вторя Бердяеву, Зеньковский утверждал, что Леонтьев «развивался совершенно вне влияния старых славянофилов, хотя и находился в той же духовной, религиозно крепкой русской среде» [8, 248]. Как говорилось выше, данная точка зрения нуждается в пересмотре: влияние классического славянофильства на Леонтьева 60-х гг. было весьма значительным.

Объективно отмечая воздействие на Леонтьева в его оценке мещанства А. И. Герцена, Зеньковский, однако, пишет, что «в генезисе идей у Леонтьева Герцен не играл никакой роли» [8, 249]. Это мнение также не соответствует реальному положению вещей: исследование взглядов Леонтьева 60-х годов выявляет целый пласт представлений, на генезис которых могли повлиять и, очевидно, повлияли воззрения А. И. Герцена.

Говоря, что на рубеже 60–70-х гг. Леонтьев пережил глубокий и тяжелый духовный кризис, Зеньковский постулировал, что в итоге этого кризиса «происходит распад прежнего комплекса идей, рождается новая – суровая и угрюмая концепция, которая и определяет собой те различные его взгляды, о которых обычно говорят, когда речь заходит о Леонтьеве». [8, 250] Между тем, многие элементы и звенья этого «прежнего комплекса идей», т. е. воззрений К. Леонтьева 60-х гг. и более раннего периода, вошли в «классическую», широко изучаемую систему общественно-политических взглядов последнего, сформировавшуюся в первой половине 70-х гг., что, однако, осталось вне поля зрения В. В. Зеньковского, поскольку детально воззрения К. Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. этот выдающийся историк русской философии не рассматривал и не изучал.

Гораздо большее, по сравнению с другими исследователями, внимание к общественно-политическим взглядам К. Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. XIX в. проявил литературовед-эмигрант Ю. П. Иваск.

В своей монографии он постулировал, что, будучи студентом, в начале 50-х, Леонтьев не интересовался политикой и разбирался в ней слабо [9, 276]. Хотя в этот период он считал себя «республиканцем», его «республиканство», по мнению Иваска, которое мы разделяем, было сравнительно недолгим и чисто эмоциональным, эстетическим [9, 243-244]. Являясь эстетом, но не по убеждениям, а по вкусам, влечениям, Леонтьев после Крымской войны сочувствовал и набравшему в это время силу «либеральному и честному направлению умов» [9, 299-300]. Либералом, пишет Иваск, он оставался еще в начале 60-х [9, 304].

Исследователь не оставил без внимания, что, находясь в Петербурге (с конца 1860 по конец 1863 г.), Леонтьев отошел от своего раннего и очень неопределенного либерализма и сблизился с кружком деятелей, группировавшихся около журнала «Время», которых Иваск назвал «петербургскими славянофилами» и которых в отечественной историографии классифицируют как представителей почвенничества.

Согласно Иваску, с начала по конец 60-х г. Леонтьев прошел через сферу влияния Аполлона Григорьева; это влияние было не столько идейным, сколько художественным: Леонтьев видел в нем не учителя, а героя [9, 310, 437, 320]. В то же время московские славянофилы, возглавляемые И. С. Аксаковым, ему не импонировали: Леонтьева отталкивало их резкое антизападничество и их патриархальная этика [9, 301]. Все эти выводы и оценки основываются на сведениях, содержащихся в воспоминаниях самого Леонтьева, но необходимо заметить, что в 1862–1863 гг., когда он переходил на консервативные позиции, его отношение к славянофильству существенно изменилось, чего исследователь не учел. Эти изменения отразились в художественных и публицистических работах мыслителя.

Находясь в Петербурге, пишет Иваск, Леонтьев разделял чувства А. И. Герцена – его ненависть к буржуазии. Герцен, а также английский философ Дж. Ст. Милль, по выражению исследователя, «повернули» Леонтьева в сторону реакции [9, 313]. В своем трактате «О свободе» Дж. Ст. Милль осуждал так называемое «коллективное ничтожество» (collective mediocrity) – общественное мнение буржуазной массы в современных демократиях США и Великобритании, и говорил о том, что эксцентрики, оригинальные личности должны оказывать сопротивление бездарному большинству, бороться с массовой тиранией «collective mediocrity». Со-

гласно Иваску, эти и только эти понятия заимствовал Леонтьев у Милля в начале 60-х [9, 514]. На наш взгляд, данное мнение страдает неполнотой: в действительности влияние вышеупомянутой книги Дж. Ст. Милля на общественно-политические взгляды Леонтьева было гораздо шире.

Иваск придерживался мнения, что Леонтьев никогда не был славянофилом, хотя и сочувствовал иногда некоторым славянофильским идеям, преимущественно консервативным [9, 438, 445]; также он отмечал, что в 60-е г. Леонтьев был настроен оптимистически: верил в синтез России образованной и народной, надеялся на то, что русские просветители западной выучки переработают европейские начала в новую национальную культуру, причем последняя, с точки зрения мыслителя, должна была получить общемировое значение. Подобно славянофилам и некоторым западникам, он идеализировал русскую общину, видел в крестьянском мире наиболее своеобразную форму русской социальной жизни [9, 362]. В уже упоминавшейся статье «Грамотность и народность» этот мыслитель, по мнению Иваска, предвосхитил свое позднейшее утверждение: самобытную неграмотную Россию следует подморозить, чтобы она не гнила, т. е. выступил с крайне консервативных позиций. Однако в данном случае исследователь совершил ошибку: анализ общественно-политических взглядов Леонтьева 60-х гг. как таковых он подменил проецированием на этот период воззрений мыслителя 70–80-х гг. В 60-е же К. Н. Леонтьев ратовал не за «подмораживание» России, а в целом за осуществлявшиеся царским правительством преобразования, которые, как он полагал, способствовали усилению культурного своеобразия страны, ее отличий от Запада.

Определял Иваск и отношение Леонтьева в этот период к православию. С утверждением исследователя о том, что восточное христианство, по мнению мыслителя, помогало сохранить самобытность, являлось силой, оказывающей сопротивление нивелирующей цивилизации Запада [9, 374], можно согласиться, тогда как другой постулат Иваска о том, что «политическая переоценка», т. е. переход Леонтьева в стан консерваторов, была продумана и определена довольно поздно, около 1870 г. [9, 533], вызывает недоумение хотя бы потому, что исследователь явно противоречит собственным утверждениям, высказанным в той же работе.

В целом освещение Ю. П. Иваском, как и остальными представителями русской эмиграции, общественно-политических взглядов Леонтьева

50-х – начала 70-х гг. XIX в. обзорно, мало детализовано, не всегда объективно, а порой противоречиво и фрагментарно. Тем не менее монография этого литературоведа до сих пор остается исследованием, содержащим наибольший объем оценок и сведений, касающихся данной проблемы.

Представители советской и постсоветской науки стали обращать внимание на общественно-политические воззрения Леонтьева раннего периода его творчества главным образом с 80-х г. прошлого века, когда в стране, благодаря постепенному ослаблению идеологических запретов, налагавшихся господствующим мировоззрением, началось широкое изучение наследия К. Н. Леонтьева в целом.

Л. Р. Авдеева, ссылаясь на его воспоминания, высказывает чрезвычайно спорное мнение, что увлечение мыслителя в молодости материалистическими и демократическими идеями было не только поверхностным, но и кратковременным, ограниченными годами его студенчества [10, 18], что консервативная тенденция «наметилась у Леонтьева довольно рано, после окончания университета», и с этого периода стала «основным лейтмотивом его творчества». Данным источником точка зрения исследовательницы прямо противоречит. Авдеева сама постулирует, что окончательно социально-политические симпатии Леонтьева, склонность его к консерватизму и охранительству, оформились только на Востоке [10, 18].

А. М. Салмин, отмечая первый в жизни К. Леонтьева «умственный перелом», связанный с утратой им детской религиозной веры [11, 95], начальным этапом его интеллектуальной биографии считает продлившийся до 1860-х гг. период юношеского либерализма, за которым последовал поворот к консерватизму и эстетизму и этап формирования натуралистической «гипотезы триединого процесса», завершившийся в 1871 г. Он полагает, что до указанного времени эстетизм являлся главной стихией К. Н. Леонтьева [11, 112–113]. С этим утверждением вполне можно согласиться.

Гораздо труднее принять мнение, что Манифест 19 февраля 1861 г. послужил одним из толчков для перехода Леонтьева «к твердой и обдуманной реакционности» [11, 97]. Спорно и то, что, как утверждает Салмин, свою собственную «гипотезу триединого процесса и вторичного смесительного упрощения» этот мыслитель разработал именно на основе концепции циклически развивающихся культурно-исторических типов Н. Я. Данилевского, хотя Леонтьев сам писал о том, что его идея «три-

единого процесса» неоригинальна и постоянно указывал на зависимость своей мысли от теорий автора «России и Европы» [11, 139]. Имеются неоспоримые факты, заставляющие предположить, что «гипотеза триединого процесса» и многие другие философско-политические идеи складывались у Леонтьева в 60-е гг. XIX в. параллельно концепции Данилевского и *независимо* от нее.

Согласно А. Ф. Сиваку, отход Леонтьева от либерально-демократических воззрений начался не позднее осени 1861 г. По мнению исследователя, «окончательное осуждение демократизма и... его аргументация были почерпнуты им у А. И. Герцена». Тем не менее, противореча самому себе и солидаризируясь с оценкой В. В. Зеньковского, Сивак утверждает, что «говорить о влиянии Герцена на Леонтьева не приходится...» [12, 7].

Он постулирует, что гражданская позиция и политические принципы, которым Леонтьев остался верен до конца жизни, в главных своих чертах определились уже в 1862 г., когда последний встал на сторону консерватизма [12, 6, 19]. Превращению Леонтьева в консерватора, считает Сивак, способствовали разногласия в русском демократическом движении между Н. Г. Чернышевским и Н. А. Добролюбовым с одной стороны и Герценом – с другой, а также резкая активизация в России реакционных сил [12, 8]. Но как именно эти факторы воздействовали на взгляды Леонтьева, Сивак не показал, как не выявил он и другие, весьма немаловажные обстоятельства, оказавшие влияние на изменение воззрений мыслителя.

Следует отметить, что этот исследователь, подобно большинству философов, обращавшихся к фигуре Леонтьева, подходит к его идейному наследию неисторично, фактически игнорируя эволюцию его взглядов и рассматривая их как бы в «застывшем», раз и навсегда сложившемся виде. Поэтому, анализируя неоднократно упоминавшуюся выше статью мыслителя 60-х гг. «Грамотность и народность», в которой говорится о том, что Россия должна усвоить европейские влияния, переработав их так, как пчела перерабатывает нектар в воск, Сивак приходит к заключению, что Леонтьев «вступает в некоторое противоречие с самим собой», проявляет «временную слабость духа» [12, 43]. Данный вывод – прямое следствие неразличения исследователем хронологически разных пластов его социально-политических воззрений.

Н. А. Шестаков в своей статье отмечает, что Леонтьев был воспитан на идеях московских литературно-философских кружков, придерживался

общего либерального направления и сотрудничал с либеральными газетами [13, 57]. Затем, в 1862 г., он перешел на позиции романтического консерватизма, оценивавшего действительность с точки зрения эстетизма. Однако этот исследователь, как и остальные леонтьеведы, не показывает самого процесса отказа Леонтьева от либерально-демократических представлений.

В отношении Леонтьева к либерализму Шестаков видит лишь два этапа: до 1862 г. – этап либеральный, и после 1862 г. – этап консервативный, внутри которого он никаких ступеней не выделяет. Шестаков пишет, что на втором этапе, т. е. после 1862 г., Леонтьев, став критиком либерализма, подкреплял эту критику религиозным обоснованием [13, 58]. Однако в действительности к религиозному обоснованию своего антилиберализма последний обратился только после духовного переворота 1871 г.

Статья Н. А. Шестакова не раскрывает всей гаммы отношений Леонтьева к либерализму в 60-х – начале 70-х гг. XIX в.

В отличие от Шестакова, Н. В. Дамье стремилась проанализировать связи К. Н. Леонтьева не с либерализмом, а со славянофильством.

Она полагает, что либерально-преобразовательная деятельность царского правительства соединилась у К. Леонтьева с национальными иллюзиями. Мыслитель поверил в то, что мистический русский дух возродит его эмансипированный хранитель – мужик, после чего оказался в идейном русле славянофильства. Но первые же пореформенные годы, считает Дамье, не подкрепили прекраснотных надежд Леонтьева и быстро его разочаровали [14, 33]. Идеализируя народ в юности [15, 102], в начале 60-х он перестал верить в благонамеренность русского мужика, в его могучий охранно-государственный инстинкт, и понял, что ценен он только своим невежеством, которое делает его неспособным расшатать устои византийской государственности [14, 44]. На наш взгляд, сам генезис данной идеи, также как и разочарование Леонтьева в русском народе, ему необходимо предшествовавшее, должны быть отнесены к началу следующего десятилетия, когда Леонтьев оставил дипломатическую службу, вернулся на родину и окунулся в жизнь уверенно капитализировавшейся России.

Свои иллюзии в отношении народа, продолжает Н. В. Дамье, Леонтьев изживал в антиэгалитарном эстетизме, который стал реакцией этого мыслителя на либерализм, на теорию «естественных прав» каждого человека [14, 34].

В либерализме, полагает исследовательница, Леонтьев разочаровался благодаря революционным демократам – их деятельность в России убедила его, что либерализм не возрождает а, скорее, подтачивает державу. В 1862 г., пишет она, Леонтьев испытал переоценку ценностей и пережил разрыв с этим идейным течением. По мнению Дамье, это был первый крутой поворот в его мировоззрении [14, 34]. Порвав с либерализмом в 1862-м [14, 40], навсегда и окончательно с данным идейным течением Леонтьев разошелся во время Польского восстания 1863 г., считает она [14, 34]. Отвернувшись от либерализма, замечает исследовательница, мыслитель во многом сохранил верность славянофильскому духу [14, 35]. Славянофильские симпатии остались у Леонтьева глубоко в сознании, но либеральная сущность классического славянофильства – западное эгалитарное свободопоклонство – уже тогда стала его нестерпимо раздражать. Кроме того, славянофильство показалось ему учением не государственным и не эстетическим, постулировала Н. В. Дамье [14, 34].

Мы с этой точкой зрения согласиться не можем. Переоценивать славянофильство Леонтьев начал не в 1862–1863 гг., а лишь в *конце* этого десятилетия, и окончательно разочаровался в нем только по возвращении в Россию, после того как осенью 1874 г. в Москве потерпел фиаско в попытке найти общий язык с его лидерами – И. С. Аксаковым и князем В. А. Черкасским. Сам факт обращения мыслителя к вождям славянофильства и многомесячного общения с ними в попытке установить взаимопонимание свидетельствует о том, что даже в данный период он еще возлагал на славянофильство некоторые надежды.

Г. М. Дробжева, основываясь на том, что Леонтьев в молодости серьезно увлекался френологией и физиогномикой, считает, что его взгляды были близки к биологическому направлению в социологии, к признанию биологической обусловленности социального поведения человека [16, 27-28]. По ее мнению, медицинские занятия способствовали формированию у Леонтьева двух «парадоксальным образом совмещенных чувств, оказавших немалое влияние на его дальнейшее творчество». В первом чувстве, «клинической любознательности», на взгляд исследовательницы, лежит начало знаменитого «патологического подхода» Леонтьева к оценке явлений действительности. Второе чувство – «естественно-эстетическое». Оно привело Леонтьева к эстетическому неприятию «городов и прогресса», а также сформировало подспудную

неприязнь к науке, особенно «кабинетной» [16, 34-36]. На наш взгляд, эти замечания Г. М. Дробжевой вполне справедливы.

С. Н. Пушкин полагает, что обучение на медицинском факультете Московского университета в дальнейшем позволило Леонтьеву сформировать естественно-натуралистическое понимание общественной жизни, а книга Н. Я. Данилевского была прочитана им уже после того, как он «выработал свои основные идеи» [17, 39]. Однако оценка Пушкина основывается только на словах Леонтьева и на мнении В. В. Зеньковского, базирующемся на них же. Чтобы доказать справедливость данной оценки, ее необходимо обосновать, развить и конкретизировать. С. Н. Пушкин этого не делает, и его выводы «повисают в воздухе».

Подобно большинству исследователей, он считает, что Леонтьев очень быстро разочаровался в реформах Александра II и что окончательный разрыв этого мыслителя с либеральными и демократическими движениями произошел в эпоху Польского восстания 1863–1864 гг. Тогда же, отмечает С. Н. Пушкин, Леонтьев проникся влиянием славянофильства. При этом, по мнению исследователя, с трудами ранних славянофилов мыслитель был знаком плохо и особого интереса к ним не испытывал [17, 38]. Мы же считаем, что данная точка зрения не вполне корректна и нуждается в пересмотре и уточнении.

Пишет С. Н. Пушкин и о воздействии на Леонтьева А. А. Григорьева, который якобы в первую же их встречу (а она произошла только в начале 1863 г.) сделал ему «эстетическую прививку против мещанства» [17, 40]. Если Леонтьев и получил от кого-либо «эстетическую прививку против мещанства», то не от Григорьева, а от Герцена, влияние которого на взгляды мыслителя Пушкин и сам признает значительным [17, 72], но опять-таки не конкретизирует.

Отмечает этот исследователь и то, что в критике западноевропейской цивилизации большую помощь Леонтьеву оказал английский либерал Дж. Ст. Милль. Однако задачи установить время, когда началось его воздействие на воззрения русского мыслителя, объем и значимость влияния Милля на его общественно-политические воззрения в 60-е г. XIX в. С. Н. Пушкин перед собой не ставил и не решал.

В. И. Косику, как уже говорилось, принадлежит единственная в *исторической науке* монография, всецело посвященная К. Н. Леонтьеву. Косик придерживается традиционной для леонтьевоведения

точки зрения, согласно которой на путь высвобождения из-под власти либеральных идей этот русский мыслитель вступил на рубеже 50–60-х гг., отказу его от либерализма способствовал журнал «Современник» со своими обличительными статьями, а консерватором Леонтьев стал из соображений эстетических [1, 17].

Привлекая множество фактических данных из истории балканских народов и русско-балканских связей, В. И. Косик анализирует положения, содержащиеся в «Записке о необходимости литературного влияния во Фракии» [1, 37–62], составленной Леонтьевым в 1865 г. Эти положения касаются Балкан и восточной политики Российской империи. По мнению Косика, при составлении указанного документа Леонтьев вынашивал мысль о будущей славянской конфедерации [1, 48].

Ценно замечание исследователя о том, что во время пребывания в Европейской Турции Леонтьева радовало отсутствие в ее городах «пролетариата» [1, 80].

Касается он и написанной на Востоке статьи «Грамотность и народность», в которой Леонтьев «последовательно развивает и обосновывает тезис о том, что можно быть великой державой без национального своеобразия, но без последнего нельзя называться великой нацией». В ней же, продолжает В. И. Косик, русский мыслитель «показывает, что своеобразию жизни, уклада, быта мы обязаны русскому простому народу, сохранившему его лучше, нежели высшие, образованные слои общества» [1, 74–75].

По мнению К. М. Долгова, Леонтьев уже в Петербурге в начале 60-х гг. XIX столетия в числе прочих вынашивал мысли о византизме. [18, 29] С этим представлением нельзя согласиться категорически: концепцию византизма Леонтьев начал обдумывать только после многолетнего пребывания в Турции, глубоко ознакомившись с ее жизнью, культурой, общественными порядками и политическим строем.

Далее Долгов пишет, что еще в указанный период, т. е. тогда, когда Леонтьев только переходил на консервативные позиции, его идеи встретили в петербургском обществе сопротивление и неприятие, и оно стало смотреть на их носителя как на «опасного правого реакционера, осмелившегося выступать против исторического прогресса, демократии и свободы» [18, 29]. Данный тезис вызывает недоумение. Фактов в его подтверждение Долгов не приводит. Между тем, известно, что даже в 1863–1867 гг., т. е. когда Леонтьев уже окончательно

но склонился к консерватизму, он продолжал сотрудничать с крупнейшими органами либеральной печати. Так, в № 62, 63, 67 газеты «Голос» за 1863 г. публиковалась его статья «Наше общество и наша изящная литература», в книгах V–VII журнала «Отечественные записки» за 1864 г. – роман «В своем краю», в томе VII того же журнала за 1867 г. – повесть «Ай-Бурун» («Исповедь мужа»). Если бы Леонтьев еще в начале 60-х имел репутацию «опасного правого реакционера», то данные издания вряд ли поместили бы его сочинения на своих страницах. Сам Долгов, фактически опровергая собственные утверждения, пишет, что по-настоящему консервативные представления Леонтьева складывались на Востоке (т. е. после 1863 г.), и там же он обдумывал концепцию «византизма и славянства» [18, 33, 183].

По мнению исследователя, даже в начале 60-х Леонтьев не ратовал за освобождение крестьян, поскольку «считал это величайшим заблуждением, которое принесет России большой вред» [18, 63]. Данный тезис прямо противоречит тем сведениям о мыслителе, которыми мы располагаем, в том числе его собственным печатным высказываниям, сделанным на рубеже 60–70-х гг. XIX в., также как в целом противоречит им другой тезис исследователя – будто бы Леонтьев «с молодости не любил прогрессивно-демократические настроения, идеи и движения...» [18, 141]. В последнем случае К. М. Долгов не вполне адекватно интерпретировал одно автобиографическое свидетельство мыслителя [19, 204].

Весьма спорно также утверждение исследователя, что идею необходимости и благотворности социального неравенства Леонтьев вынашивал и защищал всю свою жизнь [18, 374]: сознательно эта идея защищалась им только с начала 60-х.

К. М. Долгову в соавторстве с А.В. Торкуновым принадлежит и такая работа как «Генезис дипломата», касающаяся некоторых сторон общественно-политических взглядов К. Н. Леонтьева в 50–60-е гг. XIX столетия. По их мнению, горячим патриотом России и убежденным монархистом этого русского мыслителя сделал опыт Крымской войны [20, 18]. Согласиться с данным тезисом трудно: патриотом Леонтьев стал благодаря семейной традиции, урокам, преподанным ему матерью, а предположение, что Крымская война привела Леонтьева в стан монархистов, требует серьезного обоснования и доказательств, которых указанные исследователи не предоставляют.

Пишут они о и том, что Леонтьев резко негативно относился к «православным на Востоке»

[20, 23]. Это утверждение не вполне соответствует реальному положению вещей. К тому же Долгов и Торкунов отчасти противоречат сами себе, поскольку далее пишут, что Леонтьев «очень сочувственно относился к болгарам, стремился помогать им» [20, 26]. На самом деле негативные эмоции последний испытывал только к высшим слоям местного христианского общества, так называемым «приматам», которых, как отмечали сами исследователи, он «презирал за их мелочность, торгашество, бездуховность, продажность, подражание Западу» [20, 19]. Что касается балканского простонародья, то русский мыслитель питал к нему огромную и искреннюю симпатию, нашедшую воплощение в его художественных произведениях, посвященных Востоку.

Но не вызывает возражений заключительный вывод авторов статьи «Генезис дипломата»: «дипломатическая деятельность Константина Леонтьева... способствовала выработке наиболее важных понятий, категорий, отношений, которые составят мощный интеллектуальный пласт дальнейшего художественного, социально-политического, религиозного, нравственно-эстетического творчества выдающегося русского мыслителя» [20, 60].

И. А. Немцев в своей диссертации справедливо отмечает, что Леонтьев некоторое время находился под непосредственным влиянием славянофильства, однако выдвигает крайне спорное положение, согласно которому из-под влияния либеральной идеологии Леонтьев освободился благодаря неославянофилю Н. Я. Данилевскому. Он утверждает, что воздействие последнего изменило взгляды Леонтьева коренным образом, превратив его из либерала в убежденного консерватора [21, 161–162].

Согласиться с точкой зрения Немцева мы не можем: ко времени знакомства с трудами Данилевского (1869–1870 гг.) Леонтьев уже давно стоял на консервативных позициях. Чтобы превратиться в крайнего, «идейного» консерватора, каким он стал в следующем десятилетии, ему оставалось избавиться от рудиментов либерально-демократических представлений – «родимых пятен» европейского эгалитаризма, однако роль, которую в данном процессе играло влияние Данилевского, представляется достаточно спорной – тем более что последний сам от этих «родимых пятен» свободен никогда не был.

По мнению Немцева, главное, что Леонтьев воспринял от Данилевского и, опосредованно, от ранних славянофилов – это присущее им органическое представление о государстве и обществе, то

есть органицизм. Свое учение об обществе как об организме Леонтьев выработал на основе доктрины Н. Я. Данилевского, считает он [21, 162]. Данная точка зрения также дискуссионна. Влияние теорий Данилевского на учение К. Н. Леонтьева об обществе как организме несомненно, но с органицизмом как таковым его познакомили не ранние славянофилы и даже не Данилевский: еще на студенческой скамье, в 50-е г., Леонтьев штудировал оригиналы трудов одного из родоначальников «органической теории» К. Г. Каруса, был знаком с работами Т. Н. Грановского, сторонника «возрастной» концепции исторического процесса, подхваченной и развитой Н. Я. Данилевским в трактате «Россия и Европа».

Весьма спорно и утверждение Немцева, что славянофилы являлись учителями Леонтьева, хотя и не единственными, в сфере религии [21, 168]: религиозно-философская часть славянофильской доктрины была ему совершенно чужда.

Едва ли соответствует истине и тезис исследователя о том, будто бы именно от славянофилов Леонтьев воспринял критическое отношение к современному Западу [21, 173]: по всей вероятности, последний обратился к славянофильству только после того, как сам разочаровался в нем.

Теперь рассмотрим работы А. Г. Мячина, Ю. В. Андропова и А. А. Ширинянца. Они утверждают, что Леонтьев, учась на медицинском факультете Московского университета, охладевал к вере «под сильным влиянием окружающей его студенческой среды» [22, 6]. Эта точка зрения не вполне соответствует фактам, излагаемым Леонтьевым в его мемуарах и принимаемым леонтьевоведами.

1861 г. исследователи называют годом «духовного разочарования Леонтьева», подчеркивая, что его надежды на особое послереформационное развитие страны были обмануты. Это положение они обосновывают тезисом о стремительной потере Россией своих отличий от буржуазного Запада уже в начале 60-х [22, 8].

Ни данный тезис, ни точка зрения, согласно которой леонтьевские надежды на самобытное развитие страны рухнули уже в 1861 г., приняты быть не могут. Вслед за отечественными учеными З. В. Смирновой и Н. И. Цимбаевым мы полагаем, что характер процессов, происходивших в пореформенной России, окончательно прояснился лишь к середине 70-х гг. XIX в. Только тогда стало по-настоящему ясно, что страна движется по западному, буржуазно-капиталистическому пути. К этому же периоду относится и окончательное разочаро-

вание Леонтьева в преобразованиях Александра II, крушение его надежд на самобытное развитие России посредством либерально-эмансипационных реформ.

Однако Мячин, Андронов и Ширинянец абсолютно правы, постулируя, что в начале 60-х именно рост нестабильности в обществе и эстетическая неудовлетворенность предлагаемым демократическим общественным идеалом изменили идейно-политическую позицию Леонтьева [22, 8]. Следует лишь отметить, что пришедшийся на этот период отход мыслителя от либерализма был не столь последовательным и, во всяком случае, не столь радикальным, как утверждают данные исследователи и как представлялось самому К. Леонтьеву.

Нельзя не признать, что общественно-политические взгляды К. Н. Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. XIX столетия историографией, имеющейся к настоящему времени, отражены слабо. Ее представители либо весьма поверхностно и обзорно освещают данные воззрения в целом, либо, в лучшем случае, рассматривают лишь отдельные их аспекты. Сколько-нибудь подробной и цельной картины общественно-политических представлений мыслителя указанного периода существующая историография не дает. Она только намечает пути и направления их исследования, а также постановку научных задач, связанных со взглядами Леонтьева 50-х – начала 70-х гг. Лучшее всего в историографии, имеющейся на сегодняшний день, освещена проблема перехода мыслителя на консервативные позиции в начале десятилетия Великих реформ, однако даже она изучена отнюдь не достаточно. Многие представления о социально-исторических факторах, оказавших воздействие на идейную эволюцию Леонтьева в указанный период, о влиянии на его воззрения А. И. Герцена, Дж. Ст. Милля, славянофилов и почвенников, о степени разрыва мыслителя с либерально-демократическими тенденциями, о его отношении к преобразованиям, проводимым царским правительством, к крепостному праву, русскому народу и доктрине славянофилов, также как и взгляды на сам процесс изменения общественно-политических позиций мыслителя и их характер в 60-е гг. XIX в. нуждаются в корректировке, уточнении, развитии и конкретизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Косик В. И.* Константин Леонтьев: размышления на славянскую тему. М., 1997.
2. *Репников А. В.* Консервативная концепция российской государственности. М., 1999.
3. *Александров А. А.* Константин Николаевич Леонтьев // Русский вестник. 1892. № 4.
4. См. *Chernoff A.* [Portier d'Arc]. Un portrait litteraire russe: M. Constantin Leontieff // La Nouvelle Revue. 1889. Т. 58.
5. *Аггеев К. М.* Христианство и его отношение к благоустройению земной жизни (Опыт критического изучения и богословской оценки раскрытого К. Н. Леонтьевым понимания христианства). Киев, 1909.
6. *Коноплянец А. М.* Жизнь К.Н. Леонтьева в связи с развитием его миросозерцания // Памяти Константина Николаевича Леонтьева. СПб., 1911.
7. *Бердяев Н. А.* Константин Леонтьев (Очерк из истории русской религиозной мысли) // К.Н. Леонтьев: pro et contra. Кн. 2. СПб., 1995.
8. *Зеньковский В. В.* История русской философии. Л., 1991. Т. 1. Ч. 2.
9. См. *Иваск Ю. П.* Константин Леонтьев (1831 – 1861). Жизнь и творчество // К.Н. Леонтьев: pro et contra... С. 243–533.
10. *Авдеева Л. Р.* Религиозно-консервативная социология К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1983.
11. *Салмин А. М.* Политическая историософия Константина Леонтьева // Русская политическая мысль второй половины XIX в. М., 1989. С. 95–139.
12. *Сивак А. Ф.* Константин Леонтьев. Л., 1991.
13. *Шестаков Н. А.* Константин Леонтьев и русский либерализм // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12, Социально-политические исследования. 1993. № 2. С. 57–58.
14. *Дамье Н. В.* К. Н. Леонтьев и классическое славянофильство // Кентавр. 1994. № 1. С. 33–44.
15. *Дамье Н. В.* Философия истории К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1993.
16. *Дробжева Г. М.* Проблема социокультурного идеала в социально-философских воззрениях К.Н. Леонтьева: Дис. ... канд. филос. наук. М., 1995.
17. *Пушкин С. Н.* Очерки русской историософии. СПб., 1996. С. 59, 60; Он же. Об идейных истоках историософских взглядов К. Н. Леонтьева // Вече. Альманах русской философии и культуры. 1998. Вып. 11. С. 38–72.
18. *Долгов К. М.* Восхождение на Афон. Жизнь и миросозерцание Константина Леонтьева. М., 1997.
19. См. *Леонтьев К. Н.* Анализ, стиль и веяние // Вопросы литературы. 1988. № 12.
20. *Долгов К. М., Торкунов А. В.* Генезис дипломата // Леонтьев К. Н. Дипломатические донесения, письма, записки, отчеты: 1865 – 1872. М., 2003. С. 18–60.
21. *Немцев И. А.* Славянофильство в истории российского консерватизма XVIII – начала XX веков: Дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 1998.
22. *Мячин А. Г.* Социально-политические взгляды К. Н. Леонтьева: Дис. ... канд. полит. наук. М., 1998. С. 13; Андронов Ю. В., Мячин А. Г., Ширинянец А. А. Русская социально-политическая мысль XIX – начала XX века: К. Н. Леонтьев. М., 2000.